

Т.Н. Филимонова

КОНФЛИКТ МЕЖДУ СЕМЬЕЙ И ЛИЧНОСТЬЮ В РОМАНАХ НЯТ ЛИНЯ «РЕШИТЕЛЬНЫЙ РАЗРЫВ» И «ХОЛОД»

Проблема семьи и личности — одна из важнейших для такого по преимуществу конфуцианского общества, как вьетнамское¹. Причина этого кроется в самом конфуцианстве, которое уделяет особое внимание семье, потому что стремится построить государство и общество по модели семьи — семьи большой и гармоничной. Поскольку в конфуцианстве главный упор делается на почитание предков, заботу о старших и продолжение рода, именно это становится основными функциями семьи.

Чтобы эти функции должным образом выполнялись, жизнь традиционной конфуцианской семьи во Вьетнаме исстари была строго иерархизирована и регламентирована на основе отношений: отец — сын, муж — жена и старший брат — младший брат (*cha* — *con*, *vợ* — *chồng*, *anh* — *em*). При этом главным в семье был мужчина, а женщина оставалась существом подчиненным и во многом фактически бесправным, по формуле «мужчины уважаются, женщины принижаются» (*nam tôn nữ ti*). Уделом женщины было рожать и воспитывать детей, а также обслуживать мужа и семью. С рождения жизнь ее определялась так называемыми «четырьмя добродетелями» (*tứ đức*): скромностью в поведении, трудолюбием, сдержанностью в речах, добропорядочно-

стью и «тремя правилами послушания» (*tam tông*): в родной семье — родителям, в семье мужа — мужу, а после смерти мужа — сыну.

По той причине, что по достижении определенного возраста девочки выдавались замуж в другую семью, ценились только мальчики, остававшиеся в родной семье.

Так как детей в идеале должно было быть много, разрешалось многоженство, которое выражалось в том, что мужчина мог иметь, помимо старшей жены (*vợ cả*), еще и младших жен (*vợ lẽ*), а нередко и так называемых «служанок», или наложниц (*người hầu*).

Вопросы брака определялись исключительно родителями. Какие-либо отношения молодых людей до брака не разрешались. В случае смерти жены муж имел полное право жениться повторно, а вот повторный брак женщины-вдовы в подобном случае не приветствовался и, более того, наносил вред репутации как ее родной семьи, так и семьи мужа.

Таким образом, главным в жизни любого члена традиционной семьи было не личное счастье, а долг перед семьей. Именно в этом смысле известный вьетнамский ученый Чан Динь Хьюу и называет человека в конфуцианстве «человеком-функцией» (*con người chức năng*)².

В таком виде традиционная семья просуществовала до второй половины XIX в., т. е. до того времени, когда Вьетнам стал колонией Франции и, начав испытывать сильное влияние совершенно чуждой ему европейской цивилизации, в том числе и на семью, сам вступил на путь буржуазной модернизации. Как результат этого к началу XX в. между традиционной семьей и рождающейся свободной личностью назрел конфликт, особенно обострившийся к 30-м годам.

Одной из составляющих этого конфликта, наряду, например, с проблемой «отцов и детей», являлся вопрос положения женщин во вьетнамском обществе, права которых принижались. В обществе стали подниматься такие аспекты женского вопроса, как равенство с мужчинами, положение в семье, многоженство, адюльтер (мужской и женский), право вдов на повторный брак и пр.³

Об интересе к этой проблеме свидетельствует, например, то, какое место она занимала и как оживленно обсуждалась на страницах вьетнамской периодики, например таких чрезвычайно популярных в 1930-е годы газет и журналов, как «Нравы» (*Phong hóa*) и «Сегодня» (*Ngày nay*), «Южный ветер» (*Nam phong*) и других⁴. Более того, в стране существовала не одна газета для женщин. Так, на Севере, а именно в Ханое, с декабря 1930 по июнь 1934 г. выходила газета «Женская хроника» (*Phụ nữ thời đàm*), в Центральном Вьетнаме, в Хюэ, с мая 1929 по апрель 1935 г. — газета «Женские ведомости» (*Phụ nữ tân văn*), а на Юге, в Сайгоне, с июля 1932 по апрель 1934 г. — газета «Передовая женщина» (*Phụ nữ tân tiến*). В Сайгоне с декабря 1934 по декабрь 1936 г. издавалась газета «Новая женщина» (*Đàn bà mới*), затем продолжавшая выпускаться в Ханое в период с марта 1939 по 1945 г. Причем возглавляли все эти издания женщины, как, впрочем, и авторами многих статей, посвященных женской проблематике, были женщины. Иными словами, в стране возникла не только мужская, но и женская журналистика.

Естественно, что тема семьи и личности, свободы личности в обществе, в том числе и женщины, не могла не занимать вьетнамских писателей. Естественно также и то, что подход к ней был разным.

К 1930-м годам, когда сформировался новый слой вьетнамцев, получивших колониальное, а именно по французскому образцу, образование, определились как минимум два подхода к этой теме. С одной стороны, прославление и отстаивание традиционных конфуцианских ценностей, в том числе и семьи, как, например, у таких писателей, как Хоанг Нгок Фать (1896—1973), Хо Биеу Тянь (1885—1958) или Ву Чонг Фунг (1912—1939), с другой — резкий протест против феодальной конфуцианской морали, превращающей человека, особенно женщину, в раба семьи, полностью лишённого свободы выбора.

Наиболее яркое и определенное выражение этого протеста мы находим в ряде произведений Няг Линя, одного из ведущих представителей литературной группы «Своими силами», в частности в его широко известном и нашумевшем романе «Решительный разрыв» (*Đoạn tuyệt*) и романе «Холод» (*Lạnh lùng*),

опубликованных соответственно в 1934 и 1936 гг. Посвященные семейным отношениям и положению женщины в изменившихся исторических условиях, они могут служить своеобразной художественной иллюстрацией к данной теме.

Краткое содержание романа «Решительный разрыв».

Главная героиня романа «Решительный разрыв» Лоан из так называемых новых женщин (*gái mới* или *gái tân thời*), т. е. женщин, получивших новое колониальное образование, любит молодого человека по имени Зунг. Тот ушел из богатой семьи и, как можно понять, ведет полулегальный образ жизни, так как принимает участие в антифранцузской борьбе. Он также тайно любит Лоан, но не решается связать с ней свою жизнь, чтобы не сделать ее несчастной. Родители Лоан должны большую сумму денег одной знакомой семье. Из-за этого Лоан приходится уступить уговорам матери и стать женой человека из семьи, живущей по старым конфуцианским семейным традициям. Лоан старается смириться со своей участью, и поначалу ей это удается, тем более что, произведя на свет сына, она тем самым упрочивает свое положение. Но когда маленький сын умирает по вине матери мужа, отдавшей внука на лечение знахарю, а не европейскому врачу, а муж, чтобы иметь наследника, берет вторую жену, положение героини в семье низводится до положения служанки, и ее жизнь теряет всякий смысл. Однажды между ней и мужем случается ссора: Лоан любит допоздна читать, а муж хочет спать и требует выключить свет. Во время драки муж нечаянно падает на нож для разрезания книг, который держит в руках героиня, и погибает. Свидетелями ссоры становятся многие домочадцы. Лоан предстает перед судом. Суд над ней превращается в большое общественно значимое событие, поскольку на нем сталкиваются силы прогрессивные, выступающие за европеизацию жизни, и силы консервативные, отстаивающие феодальные устои. Но суд Лоан оправдывает, так как признает, что вся вина ее заключается в том, что она, современная девушка, не по своей воле попала в традиционную семью. После суда Лоан возвращается в дом матери, а когда та умирает, продает дом, решив зарабатывать на жизнь преподаванием в бедном районе. Дети ее любят, но родители, узнав историю Лоан, не

разрешают им у нее учиться. По счастью, она встречает их общего с Зунгом друга — газетчика, который предлагает ей работу. Кроме того, у нее появляется и надежда на встречу с любимым.

Краткое содержание романа «Холод»

Нюнг, главная героиня романа «Холод» — также жертва традиционных семейных отношений, правда, она, в отличие от Лоан, не является представительницей «новых женщин». Выданная замуж родителями хоть и в традиционную, но хорошую семью, где все к ней по-доброму относятся, она рано становится образцовой конфуцианской вдовой с маленьким ребенком. Ее спокойную и благочестивую жизнь нарушает встреча с молодым учителем Нгиа. Между молодыми людьми вспыхивает любовь, и они становятся тайными любовниками. Нгиа предлагает Нюнг выйти за него замуж, даже если родители Нюнг не дадут на это согласия. Тем более что скрывать долго свои отношения они не смогут, а когда их связь откроется, позора не оберешься. Но Нюнг колеблется. В ней борются противоположные чувства: с одной стороны, жажда любви и страх одиночества, с другой — нежелание что-либо менять в своей размеренной жизни, где все окружающие восхищаются тем, как достойно по-конфуциански переживает она свою вдовью долю. Но поскольку Нгиа настаивает, Нюнг решает поговорить со своей матерью. Та приходит в ужас, так как повторное замужество может опозорить дочь и навредить доброму имени их порядочной семьи. Видя слезы матери и сама не готовая что-либо менять в своей жизни, Нюнг решает оставить все как есть.

Оба романа считаются, в том числе и самим автором, так называемыми тенденциозными романами (вьетн. — *tiểu thuyết luận đề*, фр. — *roman à thèse*). Нят Линь определяет подобные романы как произведения, написанные «для выражения какой-либо теории, для восхваления и пропаганды того, что писатель считает правильным, и, наоборот, для осуждения того, что ему не нравится, иначе говоря, они служат какой-либо идее или доказывают ее»⁵. Идея же, заложенная в этих романах, заключается в обличении традиционной семьи, где на первом месте долг человека перед семьей, и отстаивании свободы личности, права на личное счастье. Прежде всего, это касается женщи-

ны — дочери, жены, вдовы, невестки — как самой большой жертвы традиционной морали.

Главные героини обоих романов — Лоан в «Решительном разрыве» и Нюнг в «Холоде» — выданы замуж по воле родителей и должны жить в традиционных «больших семьях» (*đại gia đình*) своих мужей. И в одном, и в другом случае это как бы исходный момент конфликта между семьей и личностью, но, как мы увидим далее, описывается и решается он Нят Линем в романах по-разному.

В «Решительном разрыве» Лоан — представительница так называемых новых женщин в полном смысле этого слова. Так характеризует ее автор, так оценивают ее другие персонажи, так и она думает о себе. Писатель постоянно подчеркивает «нетрадиционность» Лоан: она модно одевается (*trong bộ quần áo tối tân*, 14)⁶; говорит и читает по-французски; предпочитает лечить своего маленького сына во французской больнице, а не у вьетнамского лекаря. После смерти матери, уезжая из родного дома, она не хочет брать с собой алтарь предков, как не захотела и соблюдать все обряды, связанные с похоронами (!), чем очень удивила родственницу. «Ну если ты такая современная (букв. *văn minh* — цивилизованная), живи, как хочешь!» — говорит ей та (158). В доме мужа над ней откровенно посмеиваются: «Ну что, наша “белозубая”⁷ еще не вернулась?» (72) и т. д.

После нечаянного убийства мужа о Лоан как о «новой женщине» во все еще традиционном обществе пишут газеты, говорят на суде. Подруга Лоан по имени Тхао обращается к ней с такими словами: «Ну и смелая же ты! И где ты только таких передовых мыслей набралась?» (13). Зунг, любимый Лоан, так же говорит: «Ты другая. Ты прониклась западными идеями» (18). И родители видят, что их дочь другая. Автор говорит об этом так: «Они чувствовали, что дочь полностью отдаляется от них, становится человеком иного общества, совершенно не похожего на обычное вьетнамское...» (27). И ее муж понимает, что «...у жены странные мысли, которых у него никогда не было» (63).

Когда мать предостерегает Лоан от дружбы с Тхао, слишком, с ее точки зрения, «современной», Лоан говорит о себе: «Но я еще более современная, чем она...» (23). Или в другом

разговоре с матерью, когда та уговаривает ее выйти замуж, заявляет: «Да, я признаю, что я чересчур современная...» (27).

У Лоан иные представления о себе, о своих правах и обязанностях, противоположные тем, что определяли жизнь подавляющего большинства вьетнамских женщин. Ей не кажется, что Зунг проявил непочтительность (*bất hiếu*), пойдя против воли родителей и сбежав из дома, когда те захотели его женить. А своим родителям она говорит: «Вы сердитесь на меня, потому что не допускаете, как это дочь может перечить родителям. А я думаю, что именно так и правильно /нравственно. <...> Я думаю, что объяснять родителям, что правильно, а что нет, вовсе не значит проявлять непочтительность» (27).

Жизнь по законам традиционной семьи, семьи мужа, куда ее фактически продали за три тысячи донгов собственные родители как прислугу (*con sen*) и «родильную машину» (*máy đẻ*), семьи, где нужно только повиноваться, работать и производить потомство, кажется ей фальшивой: «Что за фальшивая мораль!» — говорит она (54).

Быть хорошей невесткой (*dâu thảo*) для нее не то, что для остальных: «Только потому, что я не слушаюсь всех, вы считаете, что я плохая, строптивая» (68).

О семье мужа она говорит: «Мое право быть человеком они не принимают в расчет» (74). А во время трагической ссоры с мужем бросает свекрови совершенно невыносимые с точки зрения традиционной морали слова: «Вы человек, но и я человек. И никто из нас не лучше и не хуже другого» (128).

Одним словом, Лоан осознает себя личностью, равной другим членам семьи, в том числе и старшим, осознает свое право на счастье, на свой выбор и знает, к чему стремится. На суде, обращаясь к «новым женщинам», она говорит: «...если вы хотите быть счастливы с мужем, с детьми, то вы должны, прежде всего, найти способ жить отдельно, самостоятельно, а не вместе с родителями и родственниками мужа, а самое главное, надо освободиться от власти его родителей. Только тогда в семье может быть мир и любовь» (146).

После суда Лоан радуется возможности жить самостоятельно, ни от кого не зависеть, самой зарабатывать себе на существо-

вание. Она говорит: «Я не боюсь работы, ведь работа — это радость. Страшно только тогда, когда ты не можешь делать, что хочешь» (168).

И своего будущего ребенка — еще до родов — Лоан хочет воспитать как свободную личность, причем, ей все равно, будет ли это мальчик или девочка. Более того, она и девочку непременно отдаст учиться. Она говорит: «У него (т. е. ее ребенка. — Прим. авт.) будет своя жизнь. Да, когда он вырастет, он должен жить своей жизнью. По старым обычаям мой ребенок должен всю жизнь крутиться вокруг меня, быть связанным долгом перед семьей. Ведь пока родители молоды, они заставляют ребенка делать все, как им хочется, а когда состарятся и не могут сами о себе позаботиться, то он должен обеспечивать их существование. А я хочу, чтобы он меня уважал. Я не хочу никогда быть ему обузой» (76).

Видно, что Няп Линь рисует образ Лоан, намеренно подчеркивая ее принадлежность к «новым женщинам», уже оторванным от традиций: по-иному одевающимися, по-иному думающим и ведущим себя в семье и обществе. А причину этого традиционное вьетнамское общество объясняет новым образованием, влиянием западных романов и т. п. Так, на суде прокурор прямо говорит, что из-за полученного образования подсудимая стала свысока относиться к другим людям, презирать мать мужа и мужа, считать всех «необразованными», и заключает, обращаясь к присутствующим: «Думаю, вы, господа, хорошо понимаете все зло от чтения французских романов, которые читает молодежь, знающая французский язык...» (140).

С другой стороны, также подчеркнуто отрицательно описывается автором и традиционная семья: семья мужа и ее собственная. Про родителей Лоан говорит: «Моя мать никогда не понимала моих терзаний, особенно душевных. Она и вообразить не может, что я оставлю мужа» (107). Когда ее сажают в тюрьму, ее мать более всего волнует позор, который ложится на семью. Видя это, подруга Лоан понимает сказанные когда-то Лоан слова: «Я и мать — два разных мира, мы можем любить друг друга, но не понимать» (133).

Про «большую семью» мужа Лоан говорит, что в ней нет места «естественным узам, связывающим одного члена семьи с

другим» (54); что здесь «все хотят заставить ее страдать» (57), заставить жить по правилам, которые она считает бессмысленными и которым не может следовать (60). Так, Няг Линь пишет: «Лоан подсчитала, что за год в роду мужа справляют до тридцати поминок. И такая жизнь, жизнь, предназначенная для поминок, считается полной и деловой» (122). В семье мужа слушают прорицателей и геомантов, принимают участие в молениях. Все это бесконечно далеко от нее. «Самое невыносимое то, что я всю жизнь должна жить среди этих темных людей и терпеть их выходы», — думает Лоан (120).

Лоан чувствует себя в семье мужа «чужой» (63), а окружающих ее людей «врагами» (65), сравнивает семью с «тюрьмой» даже тогда, когда ей грозит тюрьма настоящая (131). Она страдает от того, что в этом «старом обществе» каждый считает, что «имеет на нее права, в том числе и право ругать ее за непослушание» (68).

Когда у нее рождается сын, она понимает, что «он не только ее сын, но собственность всей семьи», которая будет тянуть его к «старой жизни» (87). После смерти сына Лоан, не способная больше родить, становится «ненужной» (114). От такой жизни она даже боится сойти с ума (119).

Противопоставление Лоан как «новой женщины» «старой семье» доведено до высшей точки на суде. В речи обвинителя Лоан — испорченная молодая женщина, получившая новое образование, начитавшаяся французских романов, распущенная (*lãng mạn*), с «безбрежным самомнением» (142), непочтительная невестка, плохая мать, убийца мужа, в то время как назначение женщины «быть почтительной невесткой, хорошей женой, быть оплотом семьи, как многие достойные женщины в старом Аннаме» (141). По его словам, «если рухнет семья, значит, рухнет и общество, а аннамское общество всегда держалось именно на семье» (141).

Для защитника⁸, напротив, Лоан — «образованная, а значит, и передовая женщина, а передовая совсем не значит распущенная. Она, представительница нового поколения женщин, послушалась родителей и вышла замуж за человека со старыми взглядами, и жить ей пришлось в старой семье» (143). По его мнению,

в случившейся трагедии виновата сама семья с ее «старомодной и слишком беспощадной моралью» (144). А если говорить шире, то «тот жесточайший конфликт между “старым” и “новым”, который мы переживаем» (144). В новом, изменяющемся обществе семья не может больше быть подобной рабству, особенно невыносима она для людей образованных, усвоивших «новую культуру, идеи о гуманизме и свободе личности» (144). И делает вывод, что «единственная вина Лоан — это то, что она, взяв в руки книги, пошла учиться и стала новым человеком, которому приходится жить в старом обществе» (146).

Таким образом, Няг Линь пытается не просто показать конфликт, но и прямым текстом называет его — это конфликт между «старым» и «новым» во вьетнамском обществе, в семейных отношениях, конфликт между традиционной семьей и новой, формирующейся буржуазной личностью. Кстати, в предисловии к роману «Решительный разрыв», вышедшему отдельной книгой, Няг Линь так и отметил, что посвятил его своему другу и единомышленнику писателю Кхай Хынг (1896—1947), а также всем молодым вьетнамцам и вьетнамкам, жертвам конфликта «старого» и «нового»⁹.

В своем романе писатель дает несколько вариантов разрешения этого конфликта. Так, роман многозначительно начинается с того, как Лоан с друзьями обсуждает самоубийство молодой женщины, выданной замуж против ее воли в старую семью. А одна из подруг Лоан, смирившаяся с участью невестки, умирает своей смертью, но по вине семьи. Кстати сказать, видя в них жертв традиционного общества, Лоан считает жертвой и младшую жену своего мужа, не из «новых женщин». Она, темная и забитая, становится продолжением худших традиций «большой семьи», но относительно нее Лоан все равно задается вопросом: «Человек она или животное?» (112), потому что ей ее жаль.

Не видя иного способа освобождения от пут «большой семьи» в современных ему условиях, в случае с Лоан Няг Линь разрешает конфликт несколько искусственно — случайным убийством мужа, хотя и сам не может не понимать, что это не окончательное его разрешение. Только Лоан удается таким образом «решительно порвать» — вспомним название романа — с про-

шлым. Более того, журналист прогрессивной газеты, освещавшей дело Лоан в суде и защищавшей ее, говорит Зунгу: «Но даже если Лоан будет оправдана, принесет ли это ей успокоение? Сам посуди, как сможет она продолжать жить с людьми, держащими за прошлое? А таких людей в нашем обществе еще очень много. Лоан удалось выбраться из когтей свекрови, выбраться из домашней тюрьмы, но старое общество будет жестоко терзать Лоан всю ее жизнь, ей вряд ли удастся этого избежать» (138).

Героиня романа «Холод» Нюнг ничего общего с «новыми женщинами», подобными Лоан, не имеет. Выданная родителями замуж за человека, старше ее, и рано овдовевшая, она живет в семье мужа, как и подобает вдове в традиционной семье. Более того, она вызывает всеобщее восхищение своим образцовым поведением: она почтительная дочь и невестка, верная своему умершему мужу вдова, хорошая мать своему маленькому сыну. Жизнь по заведенным исстари порядкам кажется ей вполне естественной и не вызывает в начале романа никакого протеста. Правда, и семья, в которой ей приходится жить, — иная, не похожая на ту традиционную семью, описанную Няг Линем в романе «Решительный разрыв». Между Нюнг и семьей нет пропасти, напротив, Нюнг — часть семьи, часть традиционного общества, в осуждение которого в этом романе писатель не говорит, кстати, ни единого слова напрямую. Свекровь искренне жалеет невестку, а узнав о ее тайной любви, пытается даже помочь ей скрыть это от окружающих, мягкими уговорами вернуть ее на стезю добродетели. Ведь молодая, красивая и благочестивая Нюнг — предмет ее постоянной гордости.

Родители Нюнг тоже гордятся своей дочерью. И хотя их больше волнует доброе имя семьи, чем счастье дочери — по словам матери Нюнг, «в жизни нет ничего дороже доброго имени» (293), — Нюнг их понимает и, более того, жалеет. Ведь у тех две дочери и обе «испорченные» (291), обе «дерзнули пойти против семейных установлений» (292): Нюнг, будучи вдовой, завела роман и подумывает о повторном замужестве, что решительно осуждалось традицией, а ее младшая сестра задумала выйти замуж за человека, которого сама полюбила, а не которого ей выбрали родители.

Таким образом, в романе «Холод» иная героиня, иная семья, но конфликт между традиционной семьей и личностью все-таки возникает, возникает тогда, когда Нюнг встречает молодого учителя Нгия. Любовь, которой Нюнг раньше не знала, заставляет ее посмотреть на свою жизнь и жизнь окружающих по-другому. У нее появляется неудовлетворенность своим существованием. Нюнг начинает чувствовать, что «жизнь, которой она живет, неполная и противоестественная» (188), принесенная в жертву репутации своей, репутации семьи мужа и ее родной семьи, «жизнь для демонстрации непонятного и фальшивого благонравия» (234). «Родители, свекровь, родня и соседи — все они не дают ей жить, как она хочет. Все хотят, чтобы она продолжала жить как вдова, чтящая память о своем муже...», — думает она (231).

Семья мужа, которая раньше казалась Нюнг и ее семьей, теперь воспринимается ею, как чужая. Она думает о своем «одиночестве, о том, что ей всю жизнь предстоит жить в этой семье и в то же время как бы не иметь семьи», что в этой семье «никто по-настоящему ее не любит» (260).

Нюнг и нравится, что все восхищаются ее праведной жизнью, и она тяготится этим. Ведь каждый ее поступок привлекает всеобщее внимание: она не может ни попудриться, ни надеть яркое платье, ни порадоваться от души, как остальные, поскольку в ее положении вдовы это неприлично. Поэтому, выбравшись однажды по делам из дома, Нюнг, подобно Лоан, чувствует себя «как человек, только что вышедший из тюрьмы» (261).

Поначалу мысли об учителе Нгия кажутся Нюнг ужасными, непозволительными и даже пугают ее. В ней борются, с одной стороны, традиционное воспитание, долг, с другой — жажда счастья. Но когда второе побеждает и Нюнг вступает в тайную связь с Нгием, «жизнь во лжи» (269), «когда она думает одно, а живет по-другому» (203), живет как «обманщица» (211), становится для нее особенно мучительной. Не один раз в ее ушах звучит: «Падшая женщина!» (222, 224). Ей кажется, что она «порочная/ пропащая» (272). Если бы другие знали правду о ней, то презирали бы ее, думает она.

В глубине души Нюнг понимает, что любовь права. Она поддерживает младшую сестру, решившую выйти замуж за лю-

бимого против воли родителей. Сочувствует молодой женщине по имени Няй, вынужденной бежать из дома от побоев и унижений со стороны мужа.

Судьба Няй заставляет Нюнг впервые задуматься о существующих общепринятых нормах поведения (*luân thường*), которые по сути своей бесчеловечны. «Уж лучше пусть Няй бросит мужа и детей. Ведь нельзя же из-за какой-то репутации заставлять женщину так ужасно страдать», — думает Нюнг, а писатель говорит: «Подумав так, Нюнг и не подозревала, что тем самым поставила человечность выше существующей морали» (252).

Нюнг хочет жить открыто и счастливо: «Лучше пусть все знают, что я плохая, испорченная, чем я буду испорченной и буду обманывать людей <...> Нет ничего ужаснее, чем жить в постоянной лжи» (292). Ее идеал — «простая и скромная жизнь рядом с любимым человеком где-нибудь далеко, никак не связанная со старым тягостным миром» (275).

Несколько раз Нюнг пытается сделать решительный шаг и изменить свою жизнь, но в результате так и не осмеливается переступить через моральные преграды, ложность которых понимает и сама. Собственная репутация, честь семьи мужа и родной семьи, наконец, то, что о ней подумает ее сын, когда вырастет и узнает, что его мать нарушила нравственные устои, оказываются сильнее естественной тяги к счастью. Не получив согласия от матери на второй брак — а только с ней она и дерзнула об этом заговорить, — Нюнг решает пожалеть старость родителей и жить по-прежнему, тайно встречаясь с Нгия. А там, как жизнь распорядится.

Интересно, что после разговора с матерью и принятия такого решения она успокаивается: «Обычная, спокойная и размеренная жизнь вдруг возникла перед ее глазами» (295). И пусть свекровь обо всем догадывается: «Она должна заботиться о моем добром имени больше, чем я», — думает Нюнг (297).

Через весь роман «Холод» проходит изречение на китайском языке, написанное на панно, висевшем в доме свекрови: «Женская добродетель заслуживает похвалы» (*Tiết hạnh khả phong*). Когда-то давно оно было подарено матери свекрови самим императором за безупречную и добродетельную жизнь во вдовстве

(189)¹⁰. Несмотря на все свое стремление к счастью, Нюнг так и не смогла преодолеть навязанную ей этим панно мораль. Только оно будет ей на старости лет наградой за молодую жизнь, принесенную в жертву условностям и традициям, думает Нюнг в конце романа.

Отметим, что как в романе «Решительный разрыв» решимость Лоан в борьбе против традиций за счастье оттенялась женскими судьбами, заплатившими устаревшим моральным нормам своей жизнью, так и в романе «Холод» нерешительности Нюнг противопоставлены образы более смелые, чем она: ее младшая сестра, пошедшая против воли родителей, и Няй, осмелившаяся бросить мужа-изверга.

Кроме того, и в том, и в другом романе фигурируют две молодые, вполне благополучные супружеские пары, представляющие новую молодежь и связавшие себя узами брака по любви. В романе «Решительный разрыв» это друзья Лоан — учитель с женой, а в романе «Холод» — брат покойного мужа Нюнг с женой. Но они проходят в романах вторым планом, и их отношения с традиционной семьей не вполне понятны.

Из всего сказанного видно, что если в романе «Решительный разрыв» конфликт разворачивается между главной героиней и семьей, то в романе «Холод» основная борьба происходит в душе главной героини. В более общем плане, в первом случае проблема семьи и личности сводится к открытому противостоянию «старого» общества и «нового» человека. Во втором случае она возникает в недрах самого традиционного общества из противостояния между господствующими условностями и естественным стремлением и правом человека на личное счастье. Таким образом, Няй Линь демонстрирует два разных аспекта проблемы власти традиционной семьи и свободы личности, неизбежно возникающей в стране, которая переходит от феодального общества к буржуазному: с одной стороны, вне личности, с другой — внутри неё.

Если в романе «Решительный разрыв» конфликт находит разрешение, пусть и несколько искусственное, поскольку возможен как редчайшее исключение, то в романе «Холод» писатель загоняет неразрешенный конфликт вглубь. При этом оче-

видно, что второй подход более правдоподобен и психологически оправдан, ведь внешние влияния могут лишь ускорить, но не изменить традиционные отношения в обществе, пока оно в целом к этому не готово.

Добавим, что рассмотренные Нят Линем два разных аспекта конфликта между семьей и личностью позволяют сделать заключение, что если и возможно считать оба романа «тенденциозными», как это делал сам писатель, то роман «Решительный разрыв» намного более тенденциозен и потому в художественном отношении уступает роману «Холод», который отличается тонкостью и ненавязчивостью в проповедовании идей, интересовавших писателя.

Примечания

¹ О влиянии конфуцианства на традиционную вьетнамскую семью см., напр.: Тоан Ань. Традиционный уклад жизни вьетнамцев. Сайгон, 1970 (*Toan Anh. Nếp cũ con người Việt Nam. Sài Gòn, 1970*); Чан Динь Хьюу. Традиционная вьетнамская семья и влияние конфуцианства // От традиций к современности. Ханой, 1996 (*Trần Đình Huôu. Gia đình truyền thống Việt Nam với ảnh hưởng Nho giáo // Đến hiện đại từ truyền thống. Hà Nội, 1996*).

² Чан Динь Хьюу. В поисках личности и стратегии ее развития // От традиций к современности. Ханой, 1996. С. 395 (*Trần Đình Huôu. Tìm mô hình nhân cách và chiến lược phát triển // Đến hiện đại từ truyền thống. Hà Nội, 1996. Tr. 395*).

³ Достаточно подробно и очень интересно, хотя и с разных сторон, женский вопрос рассматривается австралийским исследователем Д. Марром в книге: Д. Марр. Вьетнамские традиции перед судом истории, 1920—1945. Издательство Калифорнийского университета, 1984 (*David G. Marr. Vietnamese tradition on trial, 1920—1945. University of California Press, 1984*) и французским исследователем Нгуен Ван Ки в книге: Нгуен Ван Ки. Вьетнамское общество перед лицом современности. Париж, 1995 (*Nguyễn Văn Kỳ. La société vietnamienne face à la modernité. Paris, 1995*).

⁴ Об актуальности данной тематики можно судить хотя бы по тому, что известный вьетнамский публицист Фан Кхой только в 1931 г. в

ряде газет посвятил ей с десяток статей. Например, «Проблема современной вьетнамской семьи», «Наш семейный уклад и конфуцианская мораль», «Проблема независимости от родителей современных юношей и девушек», «Взаимоотношения свекрови и невестки как одна из проблем современной семьи», «Свой ребенок или чужой», «Лицо вьетнамской женщины», «Носить брюки или юбку», «Проблема налогообложения проституток». См.: Фан Кхой. Материалы, опубликованные в прессе за 1931 г. Ханой, 2007 (*Phan Khôi. Tác phẩm đăng báo 1931. Hà Nội, 2007*).

⁵ Нят Линь. Как писать и читать романы // Сайгон, 1972. С. 12 (*Nhật Linh. Viết và đọc tiểu thuyết. Saigon, 1972. Tr. 12*).

⁶ Все цитаты в статье даются по изданию: «Вьетнамская романтическая литература» (1930—1945). Т. 3. Ханой, 1989 (*Văn học lãng mạn Việt Nam (1930—1945). Tập 3. Hà Nội, 1989*).

⁷ В старом Вьетнаме по традиции мужчины и женщины покрывали зубы черным лаком. Постепенно отказываться от этого стала уже в колониальный период ориентированная на Запад молодежь, но традиционной части вьетнамского общества это не нравилось, в том числе и эстетически.

⁸ Консерватизм обвинителя и передовые взгляды защитника Лоан Нят Линь подчеркиваются даже их возрастом: первый — пожилой, второй — молодой.

⁹ См.: Словарь произведений вьетнамской прозы // Т. 1. Ханой, 2006. С. 255 (*Từ điển tác phẩm văn xuôi Việt Nam. Hà Nội, 2006. Tr. 255*).

¹⁰ Тоан Ань говорит, что это было обычной практикой для поощрения образцовых вдов. См.: Тоан Ань. Указ. соч. С. 195.